

30. Памятная книжка Могилевской губернии... – Могилев: издание Могилевского губернского статистического комитета, 1861–1916. ... на 1911 год. – Могилев: Губернская типография, 1911. – 359 с.

31. ПСЗРИ. – 3-е собр. – Т. 22. – Отд. 1. – СПб., 1904. – № 21582. – С. 540–542.

32. ПСЗРИ. – 3-е собр. – Т. 22. – Отд. 2. – СПб., 1904. – № 21582. – С. 220.

(Дата подачи: 13.02.2017 г.)

A. M. Krotov

Гомельский государственный университет имени Франциска
Скорины, Гомель

A. Krotov

Francisk Skorina Gomel State University, Gomel

УДК 94(476+470):316.647.8(=162.1)«18/19»

РУССКИЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ БЕЛОРУССКОГО СТЕРЕОТИПА ПОЛЯКА (СЕРЕДИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)

THE RUSSIAN FACTOR OF FORMATION OF THE BELARUSIAN STEREOTYPE OF THE POLE (THE MIDDLE OF XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY)

В статье анализируется влияние русского фактора на формирование белорусского стереотипа поляка в середине XIX – начале XX в. Делается вывод, что этот фактор содействовал эволюции традиционных представлений белорусов о национальных особенностях поляков, их систематизации и переходу в новое качество – негативный стереотип.

Ключевые слова: имагология; менталитет; белорусский стереотип поляка; русский фактор.

In article influence of the Russian factor on formation of the Belarusian stereotype of the Pole in the middle of XIX – the beginning of the XX century is analyzed. The conclusion is drawn that this factor promoted evolution of traditional ideas of Belarusians about the national features of Poles, their systematization and passing to new quality – negative stereotype.

Key words: imagology; mentality; the Belarusian stereotype of the Pole; the Russian factor.

Белорусский стереотип поляка уже достаточно давно попал в поле зрения ученых различной специализации, в том числе и историков. Его научное изучение необходимо прежде всего для понимания собственной истории и сущности некогда возникших социально-политических и культурных проблем, не утративших своей актуальности и сегодня. Есть у него и мировоззренческое значение – белорусы должны отчётливо осознавать свою историческую, этническую, ментальную уникальность. Формирующаяся историография белорусского стереотипа поляка как часть белорусской историографии вообще является важнейшим источником формирования исторической памяти белорусского народа, инструментом все еще идущего процесса «конструирования» белорусской нации. Изучение белорусского

стереотипа поляка важно и для поляков, ибо для них Беларусь и белорусы никогда не были чужими. Историческая память, да и многое другое, заставляют их проявлять неравнодушие к своим соседям, не оставаться безразличными к их судьбе.

В отличие от поляков, уровень национальной самоидентификации и национального самосознания которых, как известно, весьма высок, белорусам и по сей день приходится преодолевать множество проблем на пути своего национального генезиса. Многие из них имеют размытое национальное самосознание. На обыденном его уровне коренятся стереотипы, происхождение и природа которых вызывает много вопросов. Изучая эти стереотипы, можно говорить о факторах, повлиявших на их генезис и, соответственно, на формирование самосознания индивида и общественной группы, с которой он себя отождествляет. Это в полной мере касается белорусского стереотипа поляка и самих белорусов.

Однако источники, в которых прослеживаются элементы белорусского стереотипа поляка, имеют разную важность и, соответственно, ценность для исследователя.

В частности, нарративные источники позволяют судить о времени появления поляков на белорусских землях, а также об их социальном и материальном статусе, роли в политической жизни страны. Оценочных суждений в них, как правило, не имеется. А если они и есть, то имеют отношение, скорее, к автостереотипу поляка, а не к белорусскому их стереотипу. Причиной тому стала полонизация белорусского боярства. Обращение в польское шляхетство белорусской общественной элиты имело печальные последствия для белорусской культуры – по крайней мере, официальной. Поэтому искать в нарративных источниках, отражавших историографические запросы шляхты, фрагменты негативного стереотипа поляка – дело малоперспективное. Другое дело источники, представляющие мнение простонародья, никем не организованное, некультуренное, бессознательное, естественным образом прорывающееся. Это, конечно же, памятники устного народного творчества белорусов.

Что касается фольклорных материалов, собранных и опубликованных польскими, русскими, белорусскими этнографами и фольклористами, то они также содержат, по большому счету, не так много информации, позволяющей проводить реконструкцию белорусского стереотипа поляка. К тому же не всегда можно четко провести грань между поляком – подлинным объектом интереса белорусского наблюдателя – и тем, кто себя за такового выдавал или пытался выдать. Однако, изучая фольклорные материалы, можно с уверенностью судить о том, что поляки не являлись главной целью стереотипизации и образотворчества. Куда с большим интересом белорусский обыватель фокусировал свой взгляд на евреях, цыганах и др., т. е. на тех, кто без всяких оговорок считался чужим.

В условиях начавшегося после включения в состав Российской империи территорий бывшей Речи Посполитой польско-русского противостояния, переросшего в национально-освободительную борьбу польского народа, российские власти такое положение вещей не устраивало. После провала попыток «приручить» поляков царизм начинает прилагать усилия, направленные на внедрение в сознание белорусов полонофобских настроений. Начинается активное разъяснение белорусам истинных целей присутствия польского элемента на белорусских землях и откровенное внедрение в их массовое сознание русских полонофобских воззрений.

К слову говоря, большую роль в развитии русского стереотипа поляка и, опосредованно через него, также и белорусского их стереотипа на данном этапе его генезиса сыграли польские ренегаты, являвшиеся уроженцами Беларуси, – Фаддей Венедиктович Булгарин (Ян Тадеуш Кшиштоф Булгарин) и Осип Антонович Пржецлавский (Юзеф Эмануэль Пржецлавский). Оба они внесли весьма значительную лепту в формирование негативного стереотипа поляка, активно использовавшегося в качестве пропагандистского инструмента [1; 2]. Пропагандистское воздействие этого стереотипа на белорусскую этническую среду, в которой какое-то время формировались и они сами, было весьма эффективным. И Булгарин, и Пржецлавский хорошо знали особенности восприятия белорусами поляков, хорошо знали самих поляков, их национальный характер и менталитет. И, в конечном счете, это знание позволило им подвести логическую основу под тот социальный, политический и культурный феномен, который в глазах российского обывателя являл собой поляк. Будучи инструментом манипулирования массовым сознанием, общественными ценностями и реальным поведением людей, данный стереотип выступил одной из форм внедрения в сознание белорусов идеи противостояния восточных славян с поляками, являвшимися орудием Запада в борьбе с православной Россией, и единства с русским народом – кровного, религиозного, исторического. С некоторой долей условности можно сказать, что шел процесс стереотипизации сознания белорусов, его трансформация с помощью средств, достаточных для того, чтобы идеологические и политические цели российского самодержавия были достигнуты.

В начале 1830-х гг. началась идеологическая война русских с поляками, развернувшаяся в том числе и на фронте борьбы за умы белорусов, за их симпатии. Так, например, Михаил Осипович Коялович – ведущий представитель «западнорусской» исторической школы, признавая факт отсутствия в белорусском фольклоре преданий «о народной борьбе с Польшей», все равно пишет об «исторической вражде» белорусов к «польскому здесь (т. е. в Беларуси. – А. К.) племени» [3, с. 16]. Единственным подтверждением своему выводу он считает проявившую себя в ходе подавления восстания 1863–1864 гг. тенденцию «отделаться от поляков и завладеть их землей». Именно в этой тенденции, якобы, «сказывается сознание народа,

сознание своей сдавленности пришлым племенем и сознание незаконности господства над ним чужого племени» [3, с.16].

Пропагандистская обработка белорусов особенно активизируется после национально-освободительного восстания 1863–1864 гг. И особую роль в их антипольском воспитании сыграл издаваемый и редактируемый Ксенофонтом Антоновичем Говорским ежемесячный историко-литературный журнал «западнорусского» направления, выходивший в Киеве в 1862–1864 гг. под названием «Вестник Юго-Западной и Западной России» и в Вильно в 1864–1871 гг. под названием «Вестник Западной России».

В этом журнале отстаивались державные идеи, поддерживалась и пропагандировалась русификаторская и колонизаторская политика царского правительства в «западно-русских» областях, велась активная борьба с полонизацией и католическим прозелитизмом. Путем откровенного внедрения в массовое сознание белорусов элементов русского, враждебного полякам стереотипа идеологи «западноруссизма» пытались катализировать процесс создания белорусского стереотипа поляка.

Тем не менее, несмотря на все старания новых хозяев Беларуси внедрить в сознание белорусов враждебный полякам стереотип, их отношение к полякам оставалось преимущественно толерантным.

Михаил Осипович Без-Корнилович – генерал-майор, историк, краевед и этнограф, военный топограф и статистик, автор трудов по белорусскому историческому краеведению, в своем сочинении «Примечательнейшие места в Белоруссии с присовокуплением и других сведений к ней же относящихся» [4] также прикоснулся к этнологической тематике. Он дал довольно объективную характеристику белорусам, отметив патриархальность их уклада, скромность быта, пасторальную идиллию которого разрушили поляки и их верные подручные-евреи (тема совершенно не новая – ее с большим успехом эксплуатировал Ф. Булгарин в своем романе «Иван Иванович Выжигин» [5]). Главная же опасность, по мнению автора, исходила от иезуитов. Здесь Без-Корнилович также идет по стопам Ф. Булгарина, который в своих «Путевых заметках на поездке из Дерпта в Белоруссию и обратно весною 1835 года» [6] не только поднял тему участия иезуитов в нравственном воспитании жителей Речи Посполитой, но и заключил, что, будучи изгнанными из католических государств, они сделали главной квартирой своего ордена в Европе Полоцкий иезуитский коллегиум и, взявшись за воспитание юношества на свой лад и введя унию, стоившую немало слез и крови, нанесли первый удар по Польше, «от которого она исчахла и скончалась» [6, с. 201].

В 1877 г. в книжном издании впервые вышел живописный альбом «Народы России», который внес свою лепту в формирование белорусского этнического самосознания, дав возможность белорусам, посмотрев как бы со стороны, многое узнать о себе [7]. Рассматриваются в этом издании и поляки со всеми их этнографическими и этнопсихологическими особенностями

[7, с. 58–76]. Вряд ли следует сомневаться в том, что данная им характеристика произвела серьезное воздействие на формирующийся белорусский стереотип поляка – стереотипные черты, кем бы они не формулировались, имели под собой фактические основания, очевидные всем. Не удивительно, что в белорусском стереотипе поляка стали появляться заимствованные детали, к которым с точки зрения их соответствия белорусскому взгляду на поляков не было претензий.

То же самое можно сказать и о другом издании – «Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении». Третий его том был посвящен Литовскому и Белорусскому Полесью [8]. В описании исследователя литовских и белорусских древностей литератора и издателя Адама Карловича Киркора, родившегося в Беларуси (Сливино, Мстиславского уезда Могилёвской губернии, ныне – д. Сливино в Смоленской области России), но имевшего татарские корни и польское воспитание, вновь предстает образ белоруса с его невыразительной народной философией, с некими зачаточными представлениями о себе и зачаточными же представлениями о других, в том числе и о поляках.

Помимо научных и научно-популярных изданий, в разработке русско-го стереотипа поляка большую роль сыграла и художественная литература. Элементы негативного стереотипа поляка без труда можно найти в серьезных произведениях. В частности, негативный образ поляка («полячка») присутствует в произведениях Фёдора Михайловича Достоевского. Яцек Углик, исследующий творчество классика русской и мировой литературы, утверждает, что причина его ненависти к полякам – их борьба против русской державы, стремящейся к объединению всех славян; мечта польского народа о независимости и его отчаянные усилия добиться ее [9]. Я. Углик, ссылаясь на мнение польского публициста и литературного критика Ежи Стемповского, пишет о Достоевском: «Когда только он хочет нарисовать отвратительных персонажей, вызывающих у читателя чувство жалости или стыда, он выводит на сцену поляков... Именно в этих местах страдающих болезненным самолюбием поляки, среди общего скандала, опознаны как обманщики и негодяи» [9]. В произведениях Достоевского поляк – надменный, высмеянный, прогнанный. Для него – он «символ проигравшего и безрассудного человеческого существа» [9]. «Когда писатель хотел изобразить именно такого человека, он обращался к образу «полячка» и ситуация сразу становилась понятной», – заключает Я. Углик [9].

Несколько сдержаннее, чем Ф. М. Достоевский, высказывал свое мнение о поляках Николай Семенович Лесков. Российская исследовательница О. А. Головачёва, изучающая его творчество, констатирует, что факты, отмеченные Лесковым, показывают их как приспособленцев, нечистоплотных в нравственном отношении людей, способных при каждом удобном случае унижить других» [10, с. 238–239]. Однако, несмотря на большой вклад, внесенный Ф. М. Достоевским, Н. С. Лесковым и другими классиками русской

литературы в разработку образа поляка, куда большую роль в стереотипо-творчестве и, главное, в процессе внедрения негативного стереотипа поляка в массовое сознание сыграла литература легкого, развлекательного жанра, предназначенная для всякой читающей публики – дворян, купцов, мещан. Особенно для женщин.

Разумеется, популярная художественная литература, как и всякая дру-гая, предназначалась не только для русского читателя – для любого, кого русская культура «приняла в свое лоно». И белорусского – в первую оче-редь. В качестве примера можно взять произведения Всеволода Владими-ровича Крестовского. Наиболее известное из них – «Петербургские трущоб-ы». Впервые оно было опубликовано в журнале «Отечественные записки» в 1864–1866 гг. и представляло собой сочетание авантюрного романа и про-изведения остросоциального, показывающего пропасть, разделявшую ари-стократию и городское «дно» [11].

Близка творчеству В. Крестовского была и национальная тематика. По-сле начала польского восстания 1863 г. он убедился в том, что примирение с поляками невозможно. И тогда начал свою борьбу с польским инакомысли-ем, используя в качестве оружия сатирическое перо. С 1868 года начинается самый плодотворный период его творчества, когда публикуются наиболее зрелые его произведения, в том числе и дилогия «Кровавый пух: хроника Смутного времени государства Российского», состоящая из двух романов: «Панургово стадо» и «Две силы», в которых автор приводит читателя в бе-лорусскую деревню, стонущую под гнетом польского помещика [12]. Для того чтобы выразить свое отношение к революции, Крестовский исполь-зовал образ пройдохи Панурга, созданный Франсуа Рабле в романе «Гар-гантюа и Пантагрюэль». Персонаж Рабле во время морского путешествия повздорил с купцом, везшим партию баранов, и решил ему отомстить. Для этого он купил у своего обидчика одного барана и бросил его за борт. Тут же остальные бараны, повинувшись стадному инстинкту, бросились в море. Точно так же, по мнению Крестовского, поступала и русская молодежь, бездумно кидавшаяся вслед за своими вождями в пучину революции, к удовольствию коллективного Панурга – польских сепаратистов [12].

В условиях русского информационного господства, не имея никаких альтернативных источников информации о других (чужих), в том числе и о поляках, белорус с его неразвитым национальным самосознанием рано или поздно прислушивался к тому, что ему внушали куда более искушен-ные в национальном вопросе великороссы: ученые, публицисты, писатели. Не говоря уже о представителях власти. А поскольку это совпадало с его собственным мнением о поляках, пропагандистские усилия царизма не мо-гли пропасть даром. В развитии белорусского стереотипа поляка произошел скачок, придавший ему новое качество. В известной степени это свидетель-ствовало и о прогрессивных изменениях, которые происходили в мировос-приятии белорусов и в их этническом самосознании.

Список использованных источников

1. *Кротов, А. М.* Поляки в глазах Фаддея Булгарина / А. М. Кротов // Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны: зб. навук. арт. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2013. – Вып. 2. – С. 33–39.
2. *Кротов, А. М.* О. А. Пржещлавский о поляках: ментальные корни публицистического образа и его идеологический контекст / А. М. Кротов // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. ст.: в 2 ч. / под ред. В. Ф. Беркова. – Минск: РИВШ, 2014. – Вып. 14, ч. 1. – С. 155–160.
3. *Коялович, М.* О расселении племен Западного края России / М. Коялович. – М.: Типография Бахметева, 1863. – 36 с.
4. *Без-Корнилович, М. О.* Примечательнейшие места в Белоруссии с присовокуплением и других сведений к ней же относящихся / М. О. Без-Корнилович. – СПб.: Типография III отд. собст. е. и. в. канцелярии, 1855. – 355 с.
5. *Булгарин, Ф. В.* Иван Иванович Выжигин [Электронный ресурс] / Ф. В. Булгарин. – Режим доступа: http://www.kniga.com/books/preview_txt.asp?sku=ebooks314092. – Дата доступа: 13.09.2016.
6. *Булгарин, Ф.* Путевые заметки на поездке из Дерпта в Белоруссию и обратно весною 1835 года / Ф. Булгарин // Фадзей Булгарын / уклад., прадм., камент. А. Фядуты. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 2003. – С. 171–223.
7. Народы России. Живописный альбом. – СПб.: Типография товарищества «Общественная Польза», 1877. – 572 с.
8. Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении: Литовское и Белорусское Полесье: Репринтное воспроизведение издания 1882 г. – Минск: Беларуская Энцыклапедыя, 1994. – 550 с.: ил.
9. *Углик, Я.* Образ поляков в романах и публицистике Ф. М. Достоевского [Электронный ресурс] / Я. Углик. – Режим доступа: http://sites.utoronto.ca/tsq/37/tsq37_uglik.pdf. – Дата доступа: 06.02.2017.
10. *Головачёва, О. А.* Устойчивые единицы как идиостилевые маркеры в цикле очерков Н. С. Лескова «Русское общество в Париже» / О. А. Головачёва // Вестник Брянского университета. – 2016. – № 1. – С. 236–241.
11. *Репников, А. В.* Всеволод Крестовский (об авторе «Петербургских трущоб») [Электронный ресурс] / А. В. Репников. – Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/history/35751.php>. – Дата доступа: 03.02.2017.
12. *Селезнёв, Ф.* Трущобы Всеволода Крестовского [Электронный ресурс] / Ф. Селезнёв. – Режим доступа: <http://www.library.ru/help/docs/n79887/1.pdf>. – Дата доступа: 03.02.2017.

(Дата подачи: 08.02.2017 г.)